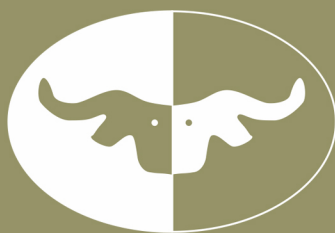

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ ПОВОЛЖЬЯ

ВЫПУСК 5

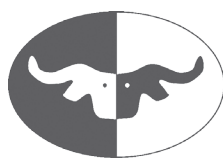

САМАРА
2014

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
Поволжский филиал Института российской истории РАН
СООО «Самарское археологическое общество»

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ ПОВОЛЖЬЯ

Выпуск 5

САМАРА 2015

УДК 902/904
ББК 63.4 (4 Сам)
В 74

**Вопросы археологии Поволжья. Выпуск 5. Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2015.
410 с., илл.**

*Печатается по решению редакционно-издательского совета Самарского
научного центра Российской академии наук.*

ISBN 978-5-93424-732-5

Ответственный редактор М. А. Турецкий

Редакционная коллегия:

О. В. Кузьмина, Ю. И. Колев, П. Ф. Кузнецов

Рецензенты:

Н. Л. Моргунова

В. С. Бочкарев

На обложке – I Утевский курганный могильник, курган 1. Фото И. Б. Васильева, 1972 г.
Фото на цветной вкладке – П.В.Ломейко.

Сборник научных статей посвящен памяти самарского археолога Игоря Борисовича Васильева, ушедшего из жизни 10 лет назад, в августе 2004 г. В сборнике переиздается статья И. Б. Васильева «Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье», а также публикуются материалы срубных курганов, исследованных в разные годы на территории Самарской области.

Для археологов, этнографов, краеведов, преподавателей вузов и школ, студентов, учащихся и всех, интересующихся археологией и древней историей.

Сборник издан в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки РФ проект №33.1195.2014/К.

©Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, 2015

©Поволжский филиал Института российской истории РАН, 2015

©СООО «Самарское археологическое общество», 2015

Н. В. Рослякова, М. А. Турецкий, П. Ф. Кузнецов

ТРАДИЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИВОТНЫХ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДАХ
(ПО АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА
САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта №12-11-63002а/В

Бронзовый век в истории лесостепного Поволжья ознаменован формированием новых археологических культур. Ямная культура раннего бронзового века, полтавкинская и абашевская культуры эпохи средней бронзы, потаповский тип памятников, существовавший в переходную эпоху от среднего к позднему бронзовому веку, срубная культура позднего бронзового века и сусканский тип памятников финала эпохи бронзы последовательно сменяли друг друга. При изучении археологических культур наиболее актуальными являются вопросы их происхождения, территории формирования, периодизации, хронологии, локальных особенностей, взаимодействия и исторической судьбы. Связующую роль в любой культурно-исторической общности играет система представлений о мире. Ее консервативность обеспечивает духовную целостность традиционных обществ. Исследование ритуальной деятельности и выявление ее особенностей для отдельных культур дает ключ к пониманию как процессов, происходивших на пространствах, занятых населением конкретных культурно-исторических обществ, так и явлений межкультурного контакта и генезиса культур. Основные сведения о мировоззрении древних племен дает изучение погребального обряда.

Погребально-поминальная практика, или обряд, – это система символических и реальных действий, осуществляемых при захоронении умерших, это воплощение религиозно-идеологической сферы обряда, ее норм и предписаний в реальные действия, несущие определенную религиозно-семантическую нагрузку (Ольховский, 1986. С.68). Изучение погребального обряда как совокупности символических действий предполагает установление характера и смысла этих действий.

Важной стороной погребальных обрядов

древнего населения лесостепного Поволжья и в целом Восточной Европы было использование в них животных. Их остатки встречаются в могильниках в виде костей. Выявление специфики этой стороны обрядов в рамках отдельных археологических культур дает дополнительные возможности исследователям для изучения истории древних народов.

Первые определения костей животных из могильников срубной культуры лесостепного Поволжья были выполнены доктором биологических наук, известным российским зоологом В. И. Цалкиным. Им были описаны остеологические материалы из кургана у с. Комаровка (курган 5) (раскопки А. Е. Алиховой) (Цалкин, 1958. С.236-237) и некоторые кости из могильников у сел Ягодное, Хрящевка, Кайбелы, деревни Светлое Озеро и у хутора Красная Звезда, исследованных Н. Я. Мерпертом (Цалкин, 1958. С.276). Полученные данные были использованы В. И. Цалкиным для изучения домашних животных эпохи бронзы Среднего Поволжья и в целом эпохи поздней бронзы Восточной Европы (Цалкин, 1958). Вопросы ритуального использования животных автором не затрагивались.

В работах археологов 50-х – начала 90-х гг. при публикации материалов из могильников срубной культуры либо только указывалось на наличие костей животных на памятнике, либо приводились определения остеологического материала, выполненные автором раскопок разной степени подробности. Давая характеристику погребального обряда, прослеженного по материалам того или иного могильника, авторы не рассматривали вопросы, связанные с использованием животных в погребальном обряде.

Отсутствие поселенческих памятников для большинства древних культур степного пояса Восточной Европы вынуждало исследователей исполь-

зовать результаты изучения костных остатков из погребальных комплексов прежде всего как источник для выводов о роли животных в хозяйственной деятельности населения (Мерперт, 1974. С.102; Шилов, 1975. С.65; Яровой, 1985. С.112).

С 80-х годов XX века, с накоплением базы данных, в обобщающих работах археологов, посвященных изучению срубной культуры, комплексы костей животных стали рассматриваться в качестве одного из признаков погребального обряда, характеризующих тот или иной хронологический этап культуры (Агапов, Васильев, Кузьмина, Семенова, 1983. С.12; Васильев, Кузьмина, Семенова, 1985; Семенова, 2000. С.161-165; Моргунова, Кравцов, 1994. С.91; Крамарев, Кузьмина, 1999. С.83-87; Иванова, 2001. С.121-122; Крамарев, 2003. С.153-160; Шишлина, 2007. С.312).

С конца 80-х годов XX века изучение остеологических материалов из погребальных памятников выходит на качественно новый уровень. Это связано с появлением работ специалистов археозоологов, посвященных остаткам животных в ритуальных комплексах из могильников позднего бронзового века.

Начиная с конца 90-х годов П. А. Косинцевым и Н. В. Росляковой были опубликованы остеологические материалы из могильников лесостепного Поволжья различных культур (Косинцев, Рослякова, 1999; 1999а; 2000; Рослякова, 2003; 2006; 2010), а также обобщены результаты их изучения (Турецкий, Рослякова, 2011; Рослякова, 2011; 2012; 2013; 2014; Рослякова, Турецкий, 2012; Рослякова, Косинцев, 2012; 2013).

Первой обобщающей работой стала монография А. Г. Петренко «Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья» (Петренко, 2000). В работе приводятся различные формы ритуального использования животных или частей их туш и отдельных костей в погребальных памятниках от V тыс. до н.э. до XII в. н.э. Опубликованные материалы из древнейших могильников эпохи энеолита и бронзового века Среднего Поволжья – I Хвалынского и Потаповского курганных могильников – представляют большой интерес для изуче-

ния истоков появления традиции использования животных в погребальном обряде на территории Урало-Поволжья.

В 2000-х годах вышли статьи, посвященные методике археозоологического исследования и описания остеологических материалов, разработанной в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН (Антипина, 2003; 2004) и лаборатории палеоэкологии Института экологии растений и животных УрО РАН (Ерохин, Бачура, 2011). Использование единой методологической основы для исследований дает возможность сравнивать между собой результаты изучения материалов памятников различных территорий и хронологических периодов.

В настоящей статье рассматриваются варианты использования животных в погребальных обрядах, практиковавшиеся населением Самарского Поволжья на протяжении бронзового века. Для данного исследования были привлечены результаты изучения погребальных комплексов с костями животных из 12 могильников ямной культуры (Самарского Поволжья и Оренбуржья), 3 могильников эпохи средней бронзы, 4 могильников переходной эпохи от среднего бронзового века к позднему и 26 могильников срубной культуры позднего бронзового века.

Анализ остеологического материала проводился с учетом археологического контекста памятника. Весь материал изучался в рамках отдельных категорий погребальных остеологических комплексов. Эти категории были выделены на основании трех параметров: биологические характеристики животных (видовой состав, анатомический спектр, половозрастные и размерные параметры животных), следы искусственного воздействия, оставленные или намеренно нанесенные человеком, и локализация комплексов в кургане.

Известно, что разные части туш животных могут использоваться с разным смысловым значением. Кости из так называемых «мясных» частей туш большинство исследователей (как археологов, так и археозоологов) интерпретируют как остатки напутственной пищи или поминальных тризн, если они находятся в погребении, и как остатки тризны

и/или жертвоприношения, если они найдены вне погребения (Цимиданов, 1996; Антипина, 2001. С.182; Яворская, 2010. С.243-250; Косинцев, 1998. С.409). К «мясным» частям туши относятся все ее части, кроме головы и дистальных частей конечностей. В археозоологических комплексах эти части представлены костями осевого скелета (ребрами и позвонками), поясами конечностей (лопатки, таз) и костями проксимальных отделов конечностей (плечевыми, лучевыми, локтевыми, бедренными, берцовыми костями) и их фрагментами. Некоторые кости из мясных частей туш (например, лопатка) могли иметь особый сакральный смысл, не имеющий отношения к мясу (Яворская, 2010. С.243, 253). Голова и дистальные части конечностей являются «немясными» частями туш, так как на них нет мяса (дистальные части конечностей) или его количество минимально (голова). Однако в культурах большинства народов мира черепа животных наполнены особым сакральным смыслом. Хорошо известны случаи их установки на шесте над погребальными сооружениями, оставление на могилах и в других священных местах целых черепов животных и даже ритуальная раскраска. Дистальную часть конечности животного, целиком в шкуре, приносили на могилы родственников с разными целями, но в частности, чтобы уберечься от появления умершего среди живых в облике этого животного (Яворская, 2010. С.252). Комплексы с черепами и дистальными частями конечностей имеют символическое значение. Эти части туш символизируют целое животное (Грязнов, 1977). В археологической и археозоологической литературе их чаще всего называют «жертвенниками» («жертвенными комплексами») или «ритуальными комплексами» (Косинцев, 1998. С.405; Косинцев, 2006. С.156; Сатаев, 2009. С.215; Сатаев, Гимранов, 2009. С.222). При этом понимая под жертвоприношением добровольную передачу некоторой собственности сверхъестественным существам или сущностям с широким полем мотивировок и семантических значений (Zdanovich, Gayduchenko, 2002). Отдельные кости из дистальных частей конечностей, а именно астрагалы, фаланги, отдельные кости запястья и заплюсны могут быть

использованы, только будучи вычлененными из конечности. Они используются именно как кости или ритуальные предметы. Таким образом, выбор той или иной части туши и вида животного был связан с различной смысловой нагрузкой ритуала, проводившегося в рамках погребального обряда.

Всего выделено четыре категории погребальных остеологических комплексов (Рослякова, 2014. С.14-15).

К категории «погребальные жертвенные комплексы» нами отнесены остеологические комплексы, состоящие из остатков целых туш, голов, голов и дистальных частей конечностей животных, располагающиеся в насыпи курганов, в ровиках, на погребенной почве и около погребений.

В категорию «остатки напутственной пищи» вошли остатки «мясных» частей туш со дна могильных ям. Такие костные остатки мы называем «напутственной пищей» условно. Именно такое название традиционно закрепилось за ними в археологической литературе. Но вполне возможно, что они имеют и какое-либо иное ритуальное назначение.

Остеологические комплексы категории «погребальный инвентарь» находятся на дне могильных ям и представлены отдельными костями, положенными в виде отдельных предметов, некоторые из которых несут на себе следы искусственного воздействия, оставленные при вычленении их из туши и использовании до попадания в погребение.

К категории «отдельные кости или их скопления» отнесены отдельные кости из «мясных» и «немясных» частей туш и их скопления, находящиеся во всех архитектурных структурах кургана, кроме могильной ямы.

Все остеологические комплексы, данные о которых взяты из литературных источников, также рассматривались по предложенным категориям. Это дало возможность сравнивать варианты использования животных в погребальном обряде населением разных территорий и разных эпох.

Изучение погребальных комплексов с костями животных из могильников эпохи бронзы Самарского Поволжья показало, что традиция использования частей туш и костей животных в погребальном

обряде имеет глубокие корни. Жертвоприношения головы и дистальных частей конечностей крупного рогатого скота КРС (*Bos taurus*) и мелкого рогатого скота (*Ovis/Capra*) – овцы (*Ovis aries*) и козы (*Capra hircus*) (далее – МРС) известны еще с эпохи энеолита. Так, в *энеолитическом грунтово-могильнике* Хвалынский I А. Г. Петренко исследованы жертвенные комплексы, комплексы погребального инвентаря, комплексы разрозненных костей. Автор приходит к выводу, что основными жертвенными животными были КРС и МРС. Они представлены в жертвенных комплексах костями черепа, зубами, ребрами, проксимальными и дистальными частями конечностей. Кости КРС, МРС и лошади встречаются в одном комплексе. Кости КРС и лошади принадлежат взрослым особям. Среди МРС есть взрослые, полувзрослые и молодые особи, кости которых находились в одном комплексе (Петренко, 2000. С.10-12). Жертвенники располагаются как на погребенной почве, так и на дне погребений. Комплексы погребального инвентаря включают астрагалы и фаланги МРС, фаланги лошади, зубы КРС и МРС, клык кабана, трубчатые кости птицы. Среди этого инвентаря наиболее многочисленными являются астрагалы МРС (Петренко, 2000. С.13-14). К категории «отдельные кости или их скопления» относятся первые фаланги лошадей и КРС и астрагалы МРС, найденные в слое могильника над погребениями (Петренко, 2000. С.14). К остаткам «напутственной пищи» можно отнести только обломки двух позвонков МРС и позвонок сома. Но говорить об этом однозначно нельзя, так как сведений об отсутствии или наличии на них следов искусственного воздействия нет.

В погребальных памятниках *раннего бронзового века* Самарского Поволжья и Приуралья комплексы костей животных встречаются нечасто. В насыпях ямных курганов встречены останки КРС, МРС и лошади (*Equus caballus*) в разных сочетаниях. Кости КРС и лошади встречаются в единичных случаях и только в насыпях курганов. Они представлены частями туши (часть черепа) и отдельными костями (единичные зубы). В остальных архитектурных структурах курганов обнаружены только кости МРС (Рослякова, Турецкий, 2012.

С.220-221). В насыпях курганов и в заполнении ровиков чаще всего находятся фрагменты костей из «мясных» частей туш животных. Это разрозненные кости, степень раздробленности которых указывает на то, что скорее всего они попали в слой уже без мяса. В некоторых комплексах встречаются и кости дистальных частей конечностей (метаподии) из так называемых «немясных» частей туш (Рослякова, Турецкий, 2012. С.222). Так, в ровике кургана 1 могильника Бобровка I находились части туши овцы: предплечья и дистальные части конечностей. Они лежали рядом с костями человека (младенца). Подобный комплекс находился в погребении 1 кургана 2 могильника Николаевка III, рядом с костяком подростка (Рослякова, Турецкий, 2012. С.223). На перекрытия помещали челюсти и ребра МРС. Челюсти животных традиционно считаются символом жертвенного животного. Они встречаются не только на перекрытиях могильных ям, но и на их дне. Ребра животных могут быть остатками мясной пищи, а могут иметь и иное символическое значение. На дне могильных ям встречаются остатки «мясных» частей туш (крестец с позвонками) и отдельные кости: астрагал и кость запястья МРС (Рослякова, Турецкий, 2012. С.223). Существуют различные варианты интерпретации нахождения астрагалов в структуре погребального обряда: предметы для игры в кости, предметы для ритуальных игр, предметы для гадания, символы благополучия, сакрально-символические предметы (Ковалева, 1990. С.67-69; Цимиданов, 2001. С.236; Сатаев, 2009. С.212-213; Юдин, 2009. С.154-157). Возможно, кость запястья была положена в погребение с подобным смыслом. Таким образом, кости животных в курганах ямной культуры являются и остатками погребальных жертвенных комплексов, и остатками «напутственной пищи», и инвентарем.

Анализ возрастного состава, размерных характеристик, индивидуальных особенностей и следов искусственного воздействия на костях позволил сделать некоторые выводы, касающиеся отбора животных для погребального обряда. Чаще всего для совершения ритуалов отбирались взрослые особи. Среди МРС преобладают особи крупного размера. В ритуале могли быть исполь-

зованы не только здоровые, но и неполноценные (хромые) животные. По-видимому, у ямных племен существовала практика кремирования частей туш животных и помещения костных остатков в насыпь кургана.

Совместные исследования П. А. Косинцева и Н. В. Росляковой показали, что в эпоху **среднего бронзового века** население лесостепного Поволжья в погребальном обряде использовало части туш КРС, МРС и лошади. В кургане 1 Гвардейского II могильника на могильном выкиде из погребения 6 находились остатки шести черепов лошади и одного черепа крупного быка. Черепа лошадей принадлежали трем взрослым, одной полувзрослой (4-5 лет), одной молодой (около одного года) и одной старой особи (Крамарев, Мышкин, Турецкий, 2002. С.109). В погребении 3 кургана 1 Калиновского могильника обнаружен фрагмент ребра и фрагмент плечевой кости лошади (Косинцев, Рослякова, 1999. С.48).

В погребении 3 кургана 3 могильника Николаевка III найдены фрагменты костей правого и левого предплечий, карпальные кости и все фаланги передних и задних конечностей (вместе с сесамовидными костями) одной особи КРС и левое предплечье овцы. Подобные комплексы находились в погребениях 4 и 5 кургана 1 Калиновского могильника. В погребении 4 обнаружены кости предплечий, карпальные кости и все фаланги передних и задних конечностей от одной особи КРС. В этом же комплексе находились кости правого и левого предплечий и фаланги из передних и задних конечностей овцы. В погребении 5 найдены кости левого и правого предплечий и фаланги двух особей овец (Косинцев, Рослякова, 1999. С.49-50). Особенностью этих комплексов является то, что в них отсутствуют пястные кости, которые в скелете находятся между лучевыми костями (костями предплечья) и фалангами. Отсутствие этих костей указывает на намеренное расчленение конечности по локтевому суставу и запястному суставу (между пястью и карпальными костями), а также отрезание самой дистальной части конечности с фалангами. В могилу помещали только предплечья и дистальные части конечностей, изымая часть конечности, находящуюся

между ними.

В описанных комплексах практически все кости происходят от взрослых животных. Только в одном случае в один комплекс входили кости взрослой и молодой (8-10 месяцев) овцы. На костях овцы из погребения 4 Калиновского могильника зафиксированы патологические разрастания костной ткани, свидетельствующие о хромоте животного.

Другой анатомический состав имеют комплексы костей МРС в погребениях 3 и 6 кургана 1 Калиновского могильника. В первом из них найдены грудные позвонки, а во втором – астрагалы. Еще один археозоологический комплекс происходит из погребения 1 кургана 1 могильника Кряж I. Комплекс включает кость голени и все кости голеностопного сустава крупного быка или тура (*Bos primigenius*), а также фрагменты костей правого и левого предплечий овцы.

Таким образом, в исследованных могильниках эпохи средней бронзы погребальные комплексы с костями животных, с нашей точки зрения, можно отнести к следующим категориям: погребальные жертвенные комплексы, «остатки напутственной пищи», погребальный инвентарь.

Для **переходной эпохи от среднего бронзового века к позднему** известны все категории комплексов с костями животных. Для некоторых категорий комплексов выявлены особенности их формирования. В жертвенных комплексах преобладают целые скелеты (могильник Грачевка II), черепа и дистальные части конечностей КРС и МРС (Потаповский могильник) (Петренко, 2000. С.20; Рослякова, Косинцев, 2012. С.376-377). Среди МРС определены кости овец и коз (самок и самцов) (Потаповский, 3/1; Грачевка II, 3/3; 3/10; 3/12). В одном случае жертвенник состоял из нижней челюсти свиньи (*Sus scrofa forma domestica*) (Грачевка II, 8/8). В некоторых случаях в жертвенные комплексы помимо черепов и костей дистальных частей конечностей МРС входят берцовые кости (Потаповский, 1/4; 1/6). Вместо целого черепа в жертвенные комплексы иногда помещали только нижнюю челюсть МРС (Потаповский, 1/4; 3/3; Владимировка II, 3/2). В одном комплексе вместе

с остатками КРС, МРС и лошади находились кости собаки (*Canis familiaris*) (Потаповский, 1/жертв. 3). В жертву приносили взрослых, полувзрослых и молодых особей КРС и МРС. Жертвенники располагаются рядом с погребениями и на дне погребений.

К категории «остатки напутственной пищи» можно отнести берцовые кости МРС (Потаповский, 3/4), часть грудной клетки лошади (Грачевка II, 8/3), часть грудной клетки (Кутулук I, 1/3) и тазовую кость (Грачевка II, 3/1) свиньи.

В категорию «погребальный инвентарь» наряду с астрагалами МРС входят астрагалы и фаланги КРС (Грачевка, 3/1; 8/3; Потаповский, 1/4; 3/3), астрагалы и фаланги свиньи (Кутулук, Грачевка II, 3/1; 3/8; 3/11; 8/3; 8/7) и кабана (Потаповский, 3/2; 3/6) (Рослякова, Косинцев, 2012. С.211; Петренко, 2000. С.94-96).

Большая часть археозоологических комплексов происходит из могильников срубной культуры **позднего бронзового века**. Эти комплексы изучены наиболее полно. Сопоставление видового состава костей рассматриваемой категории с возрастом и полом погребенных людей (все определения выполнены д.и.н. А. А. Хохловым) показало, что некоторые категории комплексов связаны с лицами определенного возраста, а иногда и пола.

Целые туши животных, их части, а также специально подготовленные кости использовались на всех этапах отправления погребального обряда, но чаще всего во время устройства отдельных погребений. Большая часть таких погребений имеет признаки относительно высокого статуса погребенного человека.

Взрослым мужчинам в могилу помещали кусок средней или задней части грудинки лошади, а иногда только одно ребро или его часть. Реже использовали другие мясные части туши лошади – часть позвоночника, лопатки или таза. В редких случаях мясо лошади заменяли мясом КРС. Женщинам, детям и подросткам обычно предпочитали класть куски грудинки и другие мясные части туши МРС. Мясо свиньи использовалось исключительно редко. Для проведения ритуала забивали взрослых животных или молодых, но уже достигших размеров взрослых животных особей. Ребра отделяли

от туши, надрубая и отламывая их от позвонков. При этом предпочитали вычленять их из средней и задней частей грудной клетки. В некоторых случаях ребра предварительно очищали от мяса. В этом случае они выступали не в качестве «напутственной пищи», а лишь как ее символ.

На дно могильной ямы детям и подросткам выкладывались костяные предметы, несомненно, входившие в набор личных значимых вещей. Чаще всего это были астрагалы овцы или свиньи, реже астрагалы и фаланги КРС и лошади. В погребения взрослых астрагалы помещали достаточно редко. Количество костей в таких наборах могло быть от одного до нескольких десятков. Иногда в состав инвентарных комплексов включали отдельные зубы лошади, свиньи (клыки) и другие кости. Обряд помещения астрагалов и фаланг в погребения существовал на всем протяжении срубной культуры. На раннем этапе срубной культуры наряду с наборами астрагалов МРС и свиньи иногда встречаются наборы первых и вторых фаланг лошади. В наборы астрагалов иногда входят и фаланги КРС. На развитом этапе срубной культуры фаланги лошади встречаются только в наборах вместе с костями других видов животных.

После того как могилу «запечатывали», на перекрытие могильной ямы и рядом с погребениями взрослых мужчин и женщин помещали отдельные кости животных, а возможно, и мелкие кусочки мяса одного или сразу нескольких видов животных.

Погребения наиболее значимых взрослых соплеменников, как правило, центральные в кургане, сопровождали жертвоприношениями. Целые туши пар лошадей укладывали рядом с погребениями лиц военной знати – так называемыми «воинами-колесничими». Такие жертвенники характерны для раннего этапа срубной культуры. В других случаях рядом с погребениями взрослых людей повышенного социального ранга помещали головы и дистальные части конечностей КРС и МРС. В жертву приносили чаще всего взрослых животных. Также существовал обычай совместно укладывать головы и дистальные части конечностей коровы и теленка, а также взрослых, полувзрослых и молодых особей МРС. От некоторых животных для помещения в

жертвенник брали лишь одну конечность, а иногда только одну кость. Расчленение туши жертвенных животных проводилось путем отчленения головы между мыщелками черепа и первым шейным позвонком или по телу первого шейного позвонка. Дистальные части передних конечностей отрезали в лучезапястном суставе выше пястной кости или между костями запястья. Дистальные части задних конечностей отчленяли по скакательному суставу, между составляющими его костями или вместе с ним. Жертвенные комплексы могли быть посвящены не только конкретному лицу, но и всем погребенным в кургане. В этом случае их располагали на подкурганной площадке в стороне от погребений, в ровике или в насыпи кургана.

При сооружении насыпи в нее могли закладывать отдельные кости: зубы, пяточные, астрагалы, фаланги и некоторые другие кости, которые могли быть с мясом или без него. Такие кости помещали и в ровик, окружающий курган.

Таким образом, туши, их части и отдельные кости животных использовались в процессе всей погребальной церемонии, а конкретное символическое значение каждого из последовательных ее ритуалов определяло выбор того или иного вида животного и части его туши.

Ритуальное значение животных не всегда совпадает с их ролью в хозяйственной деятельности племен срубной культуры лесостепного Поволжья. Археозоологические материалы из поселений срубной культуры рассматриваемой территории, представляющие собой кухонные остатки и отражающие состав мясной диеты населения, показывают, что основу мясного рациона составляла говядина. Меньше использовалось в пищу мясо МРС и лошади. Что касается свиньи, то ее доля в мясном рационе была минимальной (Косинцев, Рослякова, 2002. С.150; Косинцев, 2003. С.135-137).

Высокое ритуальное значение КРС и МРС как жертвенных животных хорошо коррелирует с их значением в хозяйственной жизни срубных племен. То же самое можно сказать о лошади, которую использовали в хозяйстве прежде всего как тягловую силу.

Мясные части туш лошади или МРС предпочи-

тали использовать для помещения на дно погребений (Рослякова, 2012. С.399; Рослякова, Косинцев, 2013. С.211; Рослякова 2013. С.205). Преобладание в этих комплексах остатков мясных частей туш лошади свидетельствует либо о том, что их использование в качестве «напутственной пищи» было продиктовано ритуалом, либо о том, что они были положены в могилу с каким-то другим смыслом.

Преобладание костей МРС и свиньи в комплексах погребального инвентаря отражает высокое ритуальное значение костей этих видов именно в сакрально-игровой практике срубных племен. Здесь необходимо отметить, что поскольку значение свиньи в мясном рационе срубного населения было крайне незначительным, то оказывается, что свинья могла быть практически исключительно ритуальным животным.

Таким образом, использование частей туш и отдельных костей животных в погребальном обряде известно у населения всех культур бронзового века лесостепного Поволжья. Однако значение разных видов животных и частей их туш для каждой культурно-исторической общности было разным. Так, жертвенные комплексы в ямных курганах представлены нижними челюстями МРС. В единственном жертвенном комплексе эпохи средней бронзы находились черепа лошади и быка. В памятниках потаповского типа жертвенники включают целые скелеты, черепа с дистальными частями конечностей КРС и МРС. В курганах срубной культуры в комплексах этой категории находятся целые скелеты и черепа лошади, черепа с дистальными частями конечностей КРС и МРС.

Помещение в могилу «мясных» частей туш также является традиционным для всех культур бронзового века. В раннем бронзовом веке для этой цели использовали задние части туш МРС. В эпоху средней бронзы – части туш КРС, МРС и лошади. В эпоху ранней и средней бронзы встречаются комплексы со специфическим анатомическим набором: предплечьями и дистальными частями конечностей (фалангами). В памятниках ямной культуры они представлены только костями МРС, а в памятниках среднего бронзового века – МРС и КРС. В начале позднего бронзового века в погре-

бения, наряду с «мясными» частями туш МРС и лошади, помещали «мясные» части туш свиньи. В могилках срубной культуры позднего бронзового века преобладают части грудной клетки лошади, хотя встречаются те же части туш МРС и в единичных случаях – КРС.

Комплексы погребального инвентаря, состоящие из астрагалов МРС, известны в погребениях ямной культуры. Они встречаются у всех культур бронзового века. Астрагалы и фаланги КРС, свиньи и кабана появляются в погребениях на рубеже эпох средней и поздней бронзы, астрагалы и фаланги лошади – в погребениях раннего (покровского) этапа срубной культуры.

Пожалуй, только жертвоприношения целых туш лошадей в могильниках раннего этапа срубной культуры не имеют аналогов в более ранних памятниках рассматриваемой территории. Исключение составляет Утевский VI могильник, в материалах которого есть комплексы, включающие в себя голову и дистальные части конечностей лошади. Могильник относится авторами к потаповскому типу памятников. Подобные комплексы широко известны в могильниках синташтинской культуры среднего бронзового века Зауралья.

На протяжении всего бронзового века фиксируется использование в погребальном обряде животных с заболеваниями опорно-двигательного аппарата.

В итоге имеющиеся на сегодняшний день данные показывают, что основным ритуальным животным в погребальном обряде населения Самарского Поволжья в раннем бронзовом веке был МРС. В эпоху средней бронзы – МРС, КРС и лошадь. В могильниках этого времени кости лошади известны не только в насыпях курганов, но и около погреб-

ний и на дне могильных ям, что позволяет достоверно говорить об использовании частей туш этого вида в ритуальной практике. На рубеже среднего и позднего бронзового веков в погребальном обряде начинают использовать части туш свиньи. В позднем бронзовом веке основными жертвенными животными были КРС и МРС, среди остатков мясных частей туш со дна погребений преобладают кости лошади, погребальный инвентарь представлен костями МРС и свиньи, а доля костей разных видов животных в комплексах разрозненных костей и их скоплений меняется в зависимости от местоположения комплекса в кургане.

Отмечается сходство основных характеристик остеологических комплексов из могильников срубной культуры с аналогичными параметрами комплексов хвалынской и потаповской культур. Их объединяет преобладание в жертвенных комплексах костей КРС и МРС, одинаковые половозрастные характеристики жертвенных животных, одинаковый состав комплексов погребального инвентаря, включающий астрагалы МРС и свиньи, астрагалы и фаланги КРС и лошади, помещение в могилу «мясных» частей туш лошади и МРС. Погребальные комплексы с костями животных из могильников ямной и полтавкинской культур отличаются от погребальных остеологических комплексов из срубных памятников.

Основным ритуальным животным в погребальном обряде ямной культуры был МРС. В эпоху средней бронзы в остеологических комплексах преобладают кости КРС и МРС. Роль лошади как ритуального животного становится заметной в эпоху среднего бронзового века, возрастает на раннем этапе развития срубной культуры и снижается на ее развитом этапе.

ЛИТЕРАТУРА

- Агапов С. А., Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семёнова А. П. Срубная культура лесостепного Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
- Антипина Е. Е. Новые археозоологические материалы из раскопок памятников скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН. М., 2001.
- Антипина Е. Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. М., 2003.
- Антипина Е. Е. Археозоологические материалы // Каргалы. Т. III. Селище Горный: археологические материалы, технология горно-металлургического произ-

- водства, археобиологические исследования. М., 2004.
- Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П.** Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
- Грязнов М. П.** Бык в обрядах и культах древних скотоводов // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.
- Ерохин Н. Г., Бачура О. П.** Новый подход к компьютерной формализации раздробленности костных остатков млекопитающих в археозоологических исследованиях // Методика междисциплинарных археологических исследований. Омск, 2011.
- Иванова С. В.** Социальная структура населения ямной культуры. Одесса, 2001.
- История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. 2000, Самара.
- Ковалева И. Ф.** Срубные погребения с наборами альчиков // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1990.
- Косинцев П. А.** Костные останки животных из Чистослебяжского и Хрипуновского могильников // Матвеев А. В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998.
- Косинцев П. А.** Животноводство у населения Самарского Поволжья в эпоху поздней бронзы // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара, 2003.
- Косинцев П. А.** Жертвенные животные из могильника Урефты I // Стефанов В. И., Корочкова О. Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург, 2006.
- Косинцев П. А., Рослякова Н. В.** Остатки животных из Калиновского могильника // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып.1. Самара, 1999.
- Косинцев П. А., Рослякова Н. В.** Парное захоронение лошадей из II Уваровского могильника // Историко-археологические изыскания. Сборник трудов молодых ученых. Вып.3. Самара, 1999а.
- Косинцев П. А., Рослякова Н. В.** Скотоводство населения Самарского Поволжья в эпоху бронзы // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.
- Косинцев П. А., Рослякова Н. В.** Материалы по истории животноводства у населения Самарского Поволжья в бронзовом веке // Вопросы археологии Поволжья. Вып.2. Самара, 2002.
- Крамарев А. И.** Погребальные памятники срубной культуры Южного Средневожья // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: материалы Международной научной конференции. Чебоксары, 2003.
- Крамарев А. И., Кузьмина О. В.** Кости животных в погребальном обряде срубной культуры // XIV Уральское совещание. Тезисы докладов. Челябинск, 1999.
- Крамарев А. И., Мышкин В. Н., Турецкий М. А.** Курганный могильник Гвардейцы II // Вопросы археологии Поволжья. Вып.2. Самара. 2002. С.101-121.
- Мерперт Н. Я.** Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М, 1974.
- Моргунова Н. Л., Кравцов А. Ю.** Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург, 1994.
- Ольховский В. С.** Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. №1. 1986.
- Петренко А. Г.** Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984.
- Петренко А. Г.** Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. Казань, 2000.
- Петренко А. Г.** Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам) // Археология евразийских степей. Вып.3. Казань, 2007.
- Рослякова Н. В.** Костные остатки животных из I и II Шумаевских курганных могильников // Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Краева Л. А., Мещеряков Д. В., Турецкий М. А., Халяпин М. В., Хохлова О. С. Шумаевские курганы. Оренбург, 2003.
- Рослякова Н. В.** Костные остатки животных из могильников Новые Ключи III и Лозовка V // Вопросы археологии Поволжья. Вып.4. Самара, 2006.
- Рослякова Н. В.** Результаты изучения остеологической коллекции из раскопок кургана 5 курганного могильника Скворцовка // Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Дегтярева А. Д., Евгеньев А. А., Купцова Л. В., Салугина Н. П., Хохлова О. С., Хохлов А. А. Скворцовский курганный могильник. Оренбург, 2010.
- Рослякова Н. В.** Ритуальная практика населения срубной культуры Самарского Поволжья: роль и место животных в погребальном обряде // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т.1.

- СПб.—М.—Великий Новгород, 2011.
- Рослякова Н. В.** Археозоологическое изучение жертвенных комплексов из могильников срубной культуры лесостепного Поволжья // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. Кн.1. СПб., 2012.
- Рослякова Н. В.** Костные остатки мясных частей туш животных из погребений срубной культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Т.15. №1. Самара, 2013.
- Рослякова Н. В.** Погребальные комплексы с костями животных из могильников срубной культурно-исторической общности Самарского Поволжья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2014.
- Рослякова Н. В., Косинцев П.А.** Археозоологические комплексы из могильников эпохи поздней бронзы Самарского Поволжья // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). Самара, 2012.
- Рослякова Н. В., Косинцев П.А.** Археозоологическое изучение комплексов погребального инвентаря из погребений срубной культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Т.15. №1. Самара, 2013.
- Рослякова Н. В., Турецкий М. А.** Археозоологические материалы из могильников ямной культуры Самарского Поволжья и Оренбуржья // Известия Самарского научного центра РАН. Т.14. №3. Самара, 2012.
- Сатаев Р. М.** Остатки животных из раскопок 1 и 2 курганов Николаевского могильника // Исмагил Р., Морозов Ю. А., Чаплыгин М. С. Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане. Уфа, 2009.
- Сатаев Р. М., Гимранов Д. О.** Характеристика археозоологического материала из 7 кургана Николаевского могильника // Исмагил Р., Морозов Ю. А., Чаплыгин М. С. Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане. Уфа, 2009.
- Семенова А. П.** Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.
- Турецкий М. А., Рослякова Н. В.** Роль и место животных в погребальном обряде населения ямной культуры Самарского Поволжья и Оренбуржья // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т.1. СПб.—М.—Великий Новгород, 2011.
- Цалкин В. И.** Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья (материалы для истории скотоводства и охоты в СССР) // Материалы и исследования по археологии СССР. №61. Т.2. М., 1958.
- Цимиданов В. В.** Мясная пища в погребениях срубной общности как проявление дифференциации культуры (по материалам Украины) // Древние культуры Восточной Украины. Проблемы изучения и правовой охраны археологического наследия. Луганск, 1996.
- Цимиданов В. В.** Астрагалы в погребениях степных культур Восточной Европы эпохи поздней бронзы и раннего железа // Археологический альманах. №10. Донецк, 2001.
- Шилов В. П.** Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
- Шишлина Н. И.** Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V-III тысячелетия до н.э.). Труды ГИМ. Вып.165. М., 2007.
- Юдин А. И.** Погребения с астрагалами из Новопокровки-II: служители культа или «игроки» // Археология Восточно-Европейской степи. Вып.7. Саратов, 2009. С.146-170.
- Яворская Л. В.** Особенности использования животных в погребальных обрядах кочевников сарматского времени Волго-Донского региона (по археозоологическим материалам могильников бассейна реки Аксай Есауловский) // Нижневолжский археологический вестник. Вып.11. Волгоград, 2010.
- Яровой Е. В.** Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР (классификация погребального обряда). Кишинев, 1985.
- Zdanovich D.G., Gayduchenko L.L.** Sintashta burial sacrifice: The Bolshekaragansky cemetery in focus // Complex societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millenium BC: Regional specifics in light of global models. Vol.1. Washington, 2002.